

УДК 001.32(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-222-234

К истории изучения жизни и творчества Г.С. Сковороды в России: Г.Г. Шпет

Олег В. Марченко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, o.v.marchenko@mail.ru*

Аннотация. Статья является одной из серии работ автора, в которой рассматривается длительная и причудливая история изучения в России жизни и творческого наследия Григория Саввича Сковороды (1722–1794). В предлагаемой статье речь идет о русском мыслителе киевлянине Густаве Густавовиче Шпете (1879–1937). В насыщенном интеллектуальном контексте отечественной философии, где были представлены практически все направления европейской мысли, Шпет занимал особое место. Ученик Э. Гуссерля, он был сторонником и проводником идей феноменологической философии в собственной оригинальной редакции, предполагающей достаточно критическое отношение к ряду положений учителя. Эта особая философская позиция заметно отличала его как от мыслителей религиозно-философской группы «Путь», так и от русских мыслителей неокантианской ориентации круга международного журнала «Логос». Философия, в понимании Шпета, это чистое автономное знание, предмет которого – область последних оснований и абсолютных начал. С этих позиций Шпет и пытался осмыслить специфику русской философии, ее истоки, проблематику, историческое развертывание. В таком ключе он подходил и к рассмотрению жизни и творчества Г.С. Сковороды.

Ключевые слова: Г.Г. Шпет, Г.С. Сковорода, русская философия, В.Ф. Эрн, «Вехи», утилитаризм, морализм

Для цитирования: Марченко О.В. К истории изучения творчества Г.С. Сковороды в России: Г.Г. Шпет // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 4. Ч. 2. С. 222–234. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-222-234

On the history of studying the life and work of G.S. Skovoroda in Russia. G.G. Shpet

Oleg V. Marchenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
o.v.marchenko@mail.ru*

Abstract. The article is one of a series of works by the author, which considers the long and bizarre history of the study in Russia of the life and creative heritage of Grigory Savvich Skovoroda (1722–1794). The proposed article deals with the Russian thinker from Kiev Gustav Gustavovich Shpet (1879–1937). In the rich intellectual context of Russian philosophy, where almost all directions of European thought were represented, Shpet occupied a special place. A disciple of E. Husserl, he was a supporter and conductor of the ideas of phenomenological philosophy, in his own original edition, suggesting a rather critical attitude to a number of the teacher's positions. That particular philosophical position markedly distinguished him from both the thinkers of the religious and philosophical group "Put'(Way)" and from the Russian thinkers of the neo-Kantian orientation from the circle of the international magazine "Logos". Philosophy, in the understanding of Shpet, is pure autonomous knowledge, the subject of which is the field of the profound foundations and absolute principles. From such positions, Shpet tried to comprehend the specifics of Russian philosophy, its origins, issues, and historical deployment. With that in mind, he approached the consideration of the life and work of G.S. Skovoroda.

Keywords: G.G. Shpet, G.S. Skovoroda, Russian Philosophy, V.F. Ern, "Vehy", utilitarianism, moralism

For citation: Marchenko, O.V. (2023), "On the history of studying the life and work of G.S. Skovoroda in Russia. G.G. Shpet", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, part 2, pp. 222–234, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-222-234

Говоря о причудливой истории изучения жизни и творчества Г.С. Сковороды, нельзя не вспомнить мыслителя, который занимал совершенно особое место в русских философских дискуссиях первой трети XX в., в том числе на тему специфики отечественной философской мысли, ее проблематике, истоках и предполагаемых, возможных и чаемых путях¹. Речь идет о Густаве Густавовиче

---

¹ Статья написана на основе неопубликованных материалов к докторской диссертации [Марченко 2007b].

Шпете (1879–1937), детство, юность, учеба, первые философские размышления которого были связаны с Киевом, где когда-то учился и Скворода.

Репутация скептика – вкуче с представлением о его нетерпимости и высокомерии (для последних, впрочем, он сам давал достаточно поводов) – будет всю жизнь сопровождать Шпета, равно как и несправедливое мнение о будто бы пренебрежительном отношении философа к России и всему русскому. Однако хорошо заметна обособленность, отдельность Шпета, который в самой гуще напряженной интеллектуальной жизни России стремится сохранить самостоятельность взгляда и позиции, с которой – чем дальше, тем больше – нельзя не считаться. Эта самостоятельность самому Шпету давалась непросто, особенно в насыщенном контексте европейской философии и науки начала века. «У меня, – писал он из Берлина Е.М. Метнер 24 июня 1910 г., в пору замысла «Истории как проблемы логики», –

...есть свой рок: когда я начинаю интересоваться каким-нибудь вопросом и нахожу что-нибудь сказать в нем новое, не проходит года, как этот вопрос становится модным и 1, становится противно заниматься «модным» вопросом, 2, литература растет как грибы после дождя и либо приходится копать во всем этом для «академической полноты», либо находить там свои мысли и, следовательно, терять прежний острый вкус к работе. И теперь – вопрос, по которому я приехал работать, оказывается, интересуется всех – стоило мне зайти в первый магазин, и передо мною вывалили груды книг, помеченные 1909, 1910 годом, где все, так или иначе, подходят к моей теме. Правда, это и хорошо – кое-что я все-таки нашел и для себя, основная моя мысль все-таки моя, и прямо на нее никто еще не натолкнулся, но меня злит, что я опять попал в модный вопрос².

Впрочем, друзья верили в высокое предназначение мыслителя. «Прошу встать, милостивый Государь, – полушутя-полусерьезно писал Шпету 23 июня 1912 г. Юргис Балтрушайтис, – *через тебя* должно совершиться новое чудо *славянского откровения*»³.

Шпета, в самом деле, побаивались многие: блестящий полемист, мыслитель ироничный, остроумный, задиристый, он критиковал не только философов «путейского» православного направления (П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.Ф. Эрн, В.В. Зеньковского), но и весьма скептически относился к амбици-

² Цит. по: [Щедрин 2004, с. 45–46].

³ Там же. С. 69.

озным проектам таких эпигонов неокантианства, как С.И. Гессен, Ф.А. Степун, Б.В. Яковенко.

Философия, в понимании Шпета, – это чистое автономное знание, предмет которого – область последних оснований и абсолютных начал. Собственные его построения суть платонизм, прочитанный в феноменологическом ключе, с изрядной долей гегельянства. Фундаментом является парменидовско-платоновская онтологическая связка *бытие – мышление – слово*; это рефлексия на мысль о бытии, поскольку предмет мысли и предмет бытия – одно и то же. Обращаясь на сознание в его интенциональных актах, философская мысль созерцает его в чистой интуиции как эйдос, т. е. содержание, значение или смысл предметных форм⁴.

Философия изучает действительность не как данность и поэтому прежде всего обязана спросить: как дана данная действительность? В ответе на это философия изучает действительность не в данности, а *через* данность. Данность действительности есть данность опыта, переживания, сознания – *через* них изучает философия действительность. (В этом ее конкретность и полнота!) Прямой объект философии есть поэтому сознание, в котором и через которое *все* дано. (Это «через» определяет философию как рефлексию, в отличие от непосредственности Гегелева опыта; для философии *эта* непосредственность есть опосредование: ее непосредственность – в преодолении этого опосредования.) Другими словами, опыт и наука – о действительности, философия – о *понятии* действительности!⁵

Будучи сторонником понимания философии как чистого знания (а не морали, проповеди и мировоззрения), философ в этом ключе обращался и к анализу истории русской мысли, и возникший под его критическим пером образ становился и своеобразным автопортретом Шпета (как и аналогичные работы Эрна, Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского, соловьевская монография Трубецкого и др.).

---

⁴ См.: *Шпет Г.Г.* Философские этюды. М., 1994. С. 242; см. также: *Марченко О.В.* Шпет Густав Густавович // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. М., 2001. С. 394–395; [Марченко 2002, с. 231–239].

⁵ Запись Шпета на полях стр. 16 авторского экземпляра его блестящей работы «Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы» (1914, из собрания дочери философа, М.Г. Шторх); цит. по: [Федорова 1991, с. 33]; см.: *Марченко О.В.* Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. М., 2001. С. 503–504.

Я полагаю, что философия как знание есть высшая историческая и диалектическая ступень философии, но этим не отрицаю, а, напротив, утверждаю наличие предварительной истории, в течение которой философия *становится* в знание. По моему убеждению, русская философия как раз к этой стадии развития начала подходить⁶.

Именно с этих общеполитических позиций Шпет рассматривает и решает такие важные проблемы, как начало русской философии, ее периодизация, национальное своеобразие русского философствования, главные темы и специфика их решения, условия существования философии в ее взаимодействии с иными социокультурными феноменами, соотношение русской и европейской философии⁷. Наряду с этими достаточно традиционными проблемами Шпет вводит отчетливо сформулированную проблему роли *национального языка в развитии философии*; тему эту затем рассматривали, как известно, Г.П. Федотов и далее Г.В. Флоровский. Со своей стороны отмечим справедливости ради, что проблему эту – правда, не в исследовательском, а в полемическом дискурсе – отчетливо обозначил в 1577 г. польский иезуит Петр Скарга:

Со славянским языком нельзя сделаться ученым. На этом языке нет ни грамматики, ни риторики, да и не может быть. Именно из-за славянского языка у православных нет иных школ, кроме начальных, для обучения грамоте. Отсюда общее невежество и заблуждение⁸.

Идею эту, далее, развивал также и иезуитский выученик Жозеф де Местр, причем не без обычного своего изящества, с теми же целями:

Порожденное общностью языка братское единение образует таинственную связь, обладающую громадной силой. <...> И если бы латинский язык однажды утвердился в Киеве, Новгороде, Москве, то он бы уже никогда не был низвергнут, а знатные славяне, породнившись с Римом посредством языка, никогда бы не бросились в объятия выродившихся византийских греков, чья история внушает нам брезгливую жалость всякий раз, когда не вызывает ужаса и омерзения. <...> Ничто не в силах сравниться с достоинством латыни. На этом

⁶ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. Первая часть // Шпет Г.Г. Соч. М.: Правда, 1989. С. 12.

⁷ См. весьма содержательную работу: [Федорова 1991].

⁸ Цит. по: Флоровский Г.В. Пути русского богословия. 3-е изд. Paris: Умса-Press, 1983. С. 41.

языке говорил *царственный народ*, запечатлевший в нем величие, единственное в истории языков человеческих; величие, до которого не смогли возвыситься даже самые совершенные из них. <...> Латынь – язык цивилизации... Бросьте взгляд на карту мира, проведите черту, на которой *вселенский* (universelle) язык умолк, – это и будет граница цивилизации, предел содружества европейских народов; по ту сторону обнаружите вы лишь общечеловеческое родство, которое, к счастью, существует всюду⁹.

Столь позднее созревание русского философского разума Шпет связывает прежде всего с *исключительно утилитарным* отношением к культурному творчеству¹⁰. Следует подчеркнуть «веховские» истоки этой мысли Шпета. Никто иной как Бердяев писал об отношении интеллигенции к философии в статье «Философская истина и интеллигентская правда» следующее:

Прежде всего бросается в глаза, что отношение к философии было так же малокультурно, как и к другим духовным ценностям: самостоятельное значение философии отрицалось, философия подчинялась утилитарно-общественным целям. <...> А философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине. Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья¹¹.

В том же ключе рассуждает и Шпет:

История русской философии как мысли, проникнутой духом утилитаризма, есть история донаучной философской мысли – история философии, которая не познала себя как философию свободную, не подчиненную, философию *чистую*, философию-знание, философию как искусство. Это не значит, что в русской философии нет движения идеи. Оно было. Но это значит, что восприятие идеи и ее движение в русской мысли не-чисто, до-научно, примитивно, не-софийно, не мастерское¹².

---

⁹ *Josef de Maistre*. Du Pape. Geneva, 1966. P. 125–126.

¹⁰ *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. С. 45, 46.

¹¹ Вехи. Из глубины. М.: Мысль, 1991. С. 11, 17. Шпет сам отсылает к «веховской» проблематике, см.: *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. С. 48, 49.

¹² *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. С. 51.

К «Вехам» восходит и главная идея Шпета, составляющая специфику его видения предмета – связать рассмотрение истории русской мысли со *сменой типов интеллигенции*¹³. К середине XIX в. положение в русской мысли стало понемногу меняться.

Когда *Пушкин* в критический момент банкротства правительственной интеллигенции заговорил о творческой аристократии, когда в нашу образованность впервые просочились идеи философии без назидательности, науки без расчета, искусства без «пользы народной» и когда на спонтанное развитие русской народности были брошены первые лучи рефлексии, все это сверкнуло вспышкой молнии¹⁴.

Только в XIX столетии «у нас появились и богословские теории, и философское обоснование догматов православия, появилась даже настоящая религиозная философия»¹⁵. Философ, оцениваемый уже достаточно высоко, – Памфил Данилович Юркевич (1826–1874), учитель В.С. Соловьева; строгий и порою излишне придирчивый Шпет посвятил ему специальный доклад, прочитанный в Московском Психологическом обществе 4 октября 1914 г.

Становление русской философии в знание, «предварительная история», по Шпету, проходит несколько этапов и, соответственно, составляет несколько разделов в «Очерке»: *невегласие, около школы, по прописям, по линейкам, первые испытания, первые ученики* (здесь заканчивается первая – и оставшаяся единственной – часть «Очерка развития русской философии»). По-видимому, непонятый и нецененный современниками Юркевич, единственный в России, «кто оказался достаточно философски подготовленным, чтобы занять без предварительной “заграничной командировки” университетскую кафедру, когда философии вновь разрешили появиться в университете»¹⁶, должен был занять достойное место во

¹³ Этот момент ярко подчеркнут в работе: [Федорова 1991, с. 92]; здесь же рассмотрен вопрос о различиях в позициях Шпета и «веховцев», см.: [Федорова 1991, с. 95–97].

¹⁴ *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. С. 46. Очень важна, в свете идеи Шпета о связи развития русской мысли со сменой типов интеллигенции, его следующая мысль: «Карамзин, Жуковский, Пушкин, кн. Вяземский и все пушкинское были единственной *возможностью* для нас положительной, не нигилистической культуры. “Литературная аристократия”, говоря термином Пушкина, была *возможность* новой интеллигенции» (Там же. С. 262–263).

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ Там же. С. 48.

второй части «Очерка» – описывающего новый этап становления русской мысли¹⁷.

...На стороне Юркевича было знание, тонкое понимание, самостоятельная мысль, и боролся он за Истину не переходящую, а стоящую над временем. Если всего этого не было у его противников, то неужели нужно признать, что победили невежество, непонимание, подражание и интересы момента? <...> Юркевич знал, понимал и отдавал должное своему времени, но он *был философом*, а потому видел еще дальше...¹⁸

Что касается Сковороды, то он, мыслитель XVIII столетия, попадает в заключительные параграфы раздела *около школы*, вплотную приблизившись, таким образом, к этапу *по прописям*.

У нас сложился взгляд на Сковороду как на первого самобытного и оригинального русского философа. Мне трудно оспаривать это утверждение, так как собственно самой философии в сочинениях Сковороды я нахожу количество предельно минимальное. А те немногие, напоминающие о философии мысли Сковороды, вокруг которых бродят его фантазия и поученья, не возвышаются над уровнем общих мест и ходячих представлений о философии. Не находя у этого современника Юма и Канта непосредственной связи с западной новой философией, наши исследователи видят его источники в философии античной и некоторых отцов церкви. Но и то и другое мне кажется недоказанным – опять-таки хотя бы по той причине, что самой философии у Сковороды немного. Несомненно, однако, что с моралистическими трактатами Цицерона и Плутарха Сковорода был знаком непосредственно. Ими и определяется то приблизительное и ходячее представление о философии, которое через посредство этих же источников вообще было популяризовано в широких полубразованных кругах европейских читателей. Понятно, что здесь можно найти кое-какие отзвуки платонизма, но только очень большим желанием иметь в XVIII веке *первого* русского серьезного философа можно объяснить тот факт, что Сковороду называют последователем Платона¹⁹.

Затрагивая тему первого русского философа, Шпет, разумеется, должен был определить свою позицию по отношению к точке

---

¹⁷ Реконструкцию плана «Очерка» см.: [Щедрина 2004, с. 37–40].

¹⁸ *Шпет Г.Г.* Философское наследие П.Д. Юркевича (К сорокалетию со дня смерти) // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Мысль, 1990. С. 579.

¹⁹ *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. С. 84–85.

зрения своего приятеля В.Ф. Эрн (1882–1917), книгу которого он прекрасно знал; кроме того, напомним, Эрн выступил официальным оппонентом на защите диссертации Шпета «История как проблема логики», в свою очередь Шпет готовился официально оппонировать Эрну на защите его диссертации о В. Дзержинском.

О талантливом изображении Сквороды в книге покойного *Вл. Эрн...* говорить трудно. Книга – взвинченно-литературное произведение, а не историко-философское исследование. Написанная с подъемом и вдохновением, эта книга – прекрасное выражение мировоззрения самого автора, но по отношению к Сквороде – хвалебная песнь, в которой последний рисуется читателю таким, каким автор хотел бы видеть первого русского философа, но не таким, каким был Скворода реальный²⁰.

С точки зрения Шпета, украинский мыслитель представляет один из основных типов зарождавшейся в XVIII в. светской и внеправительственной интеллигенции. Первый тип – ищущих положительного нравоучительства и находящего его в мутных теософских и аллегорически-эзотерических постижениях пополам с масонством – представлен *Н.И. Новиковым*. Барственное морализирование представлено *М.М. Щербатовым*, автором памфлета «О повреждении нравов в России», программы «О способах преподавания разных наук» и навеянного Платоновым «Федоном» «Разговора о бессмертии души». *А.Н. Радищев* представляет то направление третьего типа нашей интеллигенции, «оппозиционно-партийной, которое, возобладав со середины XIX в., прекратило свое “оппозиционное” существование, как только стало “начальством”, а вместе с этим завершило и третий этап нашего культурного развития». К этим трем типам Шпет находит основания присоединить и четвертый тип, «игравший в русской культуре XIX в. крупную роль и интересный для нас тем, что и он нашел себе в XVIII в. окологилософское выражение. Его представителем был мнимо-народный «философ» *Григорий Саввич Скворода*²¹. Что же, по мысли Шпета, представляет из себя этот четвертый тип и каковы его последующие превращения в истории русской культуры?

Как тип интеллигенции Скворода – прообраз резонирующего опроченства и отрицания традиционной европейской культуры, развившихся у нас – может быть, в параллель с чисто народным юродством – во имя проповеди призрачного самоусовершенствования

² Цит. по: [Щедрин 2004, с. 45–46].

³ Там же. С. 69.

и мнимо-углубленного самопознания. Соответствующее мирозерцание насковозь проникается морализмом, заменяющим традиционные учения религии, хотя и обращаемым в то же время сплошь и рядом к источникам оспариваемого ученья. Так вокруг этого мировоззрения складывается психология внутренне, а иногда и открыто близкая психологии сектантства²².

Тем не менее Шпет достаточно подробно, имея в виду общий объем первой части его «Очерка», рассматривает мирозерцание Сковороды; если Новикову отведены полторы страницы, Щербатову две, Радищеву четыре, то украинскому мыслителю посвящены целых четырнадцать, причем часть текста набрана мелким шрифтом. В плане проработки материала Шпет, конечно, далеко уступает Эрну (который ознакомился и с частью неопубликованных рукописей Сковороды), но ведь и сам формат исследований и время их подготовки были различны.

В своей интерпретации Сковороды Шпет акцентирует прежде всего *моралистическую* составляющую его учения, и это хорошо согласуется с главной идеей Шпета о том, что долгое и трудное созревание русской философии как раз и связано с подчинением бескорыстного поиска теоретической истины разного рода утилитарным задачам.

Сковорода от начала и до конца – *моралист*. Не наука и не философия как таковая владеют его помыслами, а лишь искание для себя и указание другим пути, ведущего к счастью и блаженству²³.

Что же касается философских или околофилософских элементов мировидения Сковороды, то это «лишь пристройка к главному зданию “самонужнейшей науки” о счастье и об оправдании, в конце концов, собственного поведения»²⁴. Любопытно, что внимательный Шпет и в фундаментальной работе И.А. Ильина «Учение Гегеля о конкретности Бога и человека» усмотрел *моралистическую* интенцию, которая так сказала в последствии в поздний, эмигрантский, период его жизни и творчества²⁵. От начала до конца, заключает Шпет,

---

²⁰ Там же. С. 85.

²¹ Там же. С. 82.

²² Там же. С. 4.

²³ Там же. С. 86.

²⁴ Там же. С. 91.

²⁵ См. реконструкцию рецензии Шпета на книгу Ильина, выполненную Т.Г. Щедриной: [Щедрина 2004, с. 281–322].

Сковорода остается *моралистом*. Библия для него «есть мысли Божии, сие есть сердце вечное. А сердце вечное, есть то *Человек* вечный». Но не вечность его интересует сама по себе и даже не «мысли Бога», как такие, а то, что из них, из Библии, можно сделать основание для морали и праведной жизни, что из нее можно извлечь «мир душевный». Этим и определяется околофилософское место украинского мудреца, предвосхитившего некоторые моралистические идеи толстовства и других подобных интеллигентских опрощенских настроений XIX века²⁶.

Удивительно, но эти столь отличающиеся друг от друга мыслители, Шпет и Эрн, которые сходились, кажется, лишь в нерусском звучании фамилий и отчества, при характеристике Сковороды в одном, но очень важном – близки.

Сковорода родился в Малороссии в 1722 г., т. е. в последние годы царствования Петра Великого. Год и место рождения Сковороды переносят нас в эпоху самого зачаточного воздействия западной культуры на туземные стихии русской жизни. Для того чтобы в этих условиях возлюбить философию и стать ее верным рыцарем, нужно было обладать глубоко самобытной натурой, изнутри проникнутой философским Эросом. Если Сковорода, сын простого казака, становится одним из любопытнейших европейских философов XVIII в., то этим обязан он не школам, в которых учился, не среде, в которой вращался, не воздействиям, получаемым от окружавших людей, а единственно *себе*, силе *своего* устремления к философскому самопознанию. Нужно принять во внимание эту культурную изолированность Сковороды, чтобы с тем большей силой воздать его необычайности, его исключительной оригинальности²⁷.

Киевлянин Шпет, оставляя украинского мыслителя *около школы*, почему-то забывает, что тот был выучеником Киевской академии, тем самым подтверждая совершенно нелепое представление о *культурной изолированности* Сковороды.

Не заметил Шпет и еще одну важнейшую черту облика украинского старичка. В январе 1917 г., размышляя о сути европейской философии, Шпет писал:

²⁶ Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. С. 96.

²⁷ Эрн В.Ф. Жизнь и личность Григория Саввича Сковороды // Лики культуры: Альманах. Т. 1. М.: Юрист, 1995. С. 321–322.

Европа, – это – умственное напряжение, но не труд, а «досуг», восторг и праздник жизни; самое дорогое для нее – творчество мысли; и никакая сила, – ни меч, ни моральная проповедь, – не могли уничтожить в европейце *страсти мыслить*²⁸.

Поразительно, но философ не увидел у Сковороды того, что современному читателю его сочинений, писем, биографии бросается в глаза прежде всего – творческое напряжение, *σχολή*, празднество, радость, свобода жизни и мысли²⁹.

Источники

Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. 606 с.

Флоровский Г.В. Пути русского богословия. 3-е изд. Paris: YMCA-Press, 1983. 599 с

Шпет Г.Г. Соч. М.: Правда, 1989. 601 с.

Шпет Г.Г. Философское наследство П.Д. Юркевича (К сорокалетию со дня смерти) // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Мысль, 1990. С. 578–638.

Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. 370 с.

Эри В.Ф. Жизнь и личность Григория Саввича Сковороды // Лики культуры: Альманах. Т. 1. М.: Юрист, 1995. С. 321–352.

Maistre J. de. Du Pape. Geneva, 1966. 475 p.

Литература

Марченко 2002 – *Марченко О.В.* Очерки по истории философии. М.: Изд-во МГУП, 2002. 253 с.

Марченко 2007а – *Марченко О.В.* Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX–XX вв.: Исследования и материалы. Часть I. М., 2007. 276 с.

Марченко 2007б – *Марченко О.В.* Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX–XX вв.: Дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007. 448 с.

Федорова 1991 – *Федорова Л.В.* Г.Г. Шпет как историк русской философии. Дис. ... канд. филос. наук. М., 1991. 213 с.

Щедрина 2004 – *Щедрина Т.Г.* «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 415 с.

---

²⁸ *Шпет Г.Г.* Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 229.

²⁹ См.: [Марченко 2007а, с. 37–38].

References

- Fedorova, L.V. (1991), *G.G. Shpet as a historian of Russian philosophy*, Ph.D. Dissertation, Moscow, Russia.
- Marchenko, O.V. (2007a), *Grigory Skovoroda i russkaya filosofskaya mysl' XIX–XX vv.: Issledovaniya i materialy* [Grigory Skovoroda and Russian Philosophical Thought of the 19th–20th centuries: Research and materials], part I, Moscow, Russia.
- Marchenko, O.V. (2007b), *Grigory Skovoroda and Russian Philosophical Thought of the 19th–20th centuries*, Ph.D. Dissertation, Moscow, Russia.
- Marchenko, O.V. (2002), *Ocherki po istorii filosofii* [Essays on the history of philosophy], MGUP, Moscow, Russia.
- Shchedrina, T.G. (2004), “*Ya pishu kak ekho drugogo...*”, *Ocherki intellektual'noi biografii Gustava Shpeta* [“I write as an echo of another...”, Essays on the intellectual biography of Gustav Shpet], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Олег В. Марченко, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; o.v.marchenko@mail.ru

Information about the author

Oleg V. Marchenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; o.v.marchenko@mail.ru